УДК 94

Петр Вагнер

Художественное восприятие алхимии в европейской литературе XIII–XVI вв.

Аннотация. В статье рассмотрена проблема восприятия и эволюция взгляда на алхимию сквозь призму европейской художественной литературы XIII-XVI веков. Алхимия, как предмет своего времени, является неоднозначным явлением, которое, с одной стороны, привнесло в мир зачатки той науки химии, какой мы её знаем, а с другой, породило бесчисленные спекуляции и откровенные мошенничества. Эта дисциплина имела столь колоссальное влияние, что она, как и любое явление материального характера, повлияла на искусство в целом и художественные произведения в частности. В этом плане представляет интерес взгляд самых разных авторов, от Шопенеля до Чосера, менявшиеся и оформлявшиеся на протяжении веков: полный скепсис сменялся неоднозначной оценкой, и наоборот. Тем не менее, все авторы указывали на противоречие между обещаниями и делами алхимиков, которые никогда не совпадали. Более того, алхимики были разные и это различие между ними подчеркиваются и автором статьи, и писателями того времени как ключевые в плане восприятия самой алхимии. Безусловно, художественные произведения не могут претендовать на полноту картины, но они позволяют понять, отношение к этому явлению современников, к чему и подводит автор статьи.

Ключевые слова: алхимия, средние века, средневековая литература, Чосер, Рабле, Джонсон.

© **Вагнер Петр** — Ph.D., чешский историк и дипломат (10.08.1957–23.04.2021).
Перевод с английского: *Vágner P.* Artistic Reflection of Alchemy in the European Literature of the 13th to 16th Centuries // Studia Historiae Academiae Scientiarum Bohemicae. Seria C/2. Prague. 1993. P. 115–144.

В исследовании рассматривается возможность использования художественной литературы эпохи для описания эволюции алхимии. Воссоздается, прежде всего, взгляд современников на алхимию и на положение алхимиков в средневековом обществе.

Трактаты, посвященные алхимии и её истории, безусловно, заполнили бы очень большую библиотеку. Тем не менее, все ещё существует большое количество вопросов, на которые мы тщетно ищем ответы. Мы способны описать алхимию, мы знаем о результатах, достигнутых алхимиками, а также об их судьбах, но нам не хватает, например, удовлетворительного ответа на вопрос, почему она смогла так долго сохранять свое положение в системе средневекового знания и что заставляло алхимиков столь упорно идти по пути, который, как мы теперь знаем, никуда не ведет. Могут ли эти и другие проблемы быть решены простым обращением к человеческому желанию волшебного эликсира, или же другие влияния также имели место? Долголетие и богатства действительно были сильными искушениями и, следовательно, также мощными стимулами, однако, вместе с этим мы также сталкиваемся с иными важными факторами: человеческим стремлением к знаниям, стилем знаний, присущим той эпохе и тем, что мы можем назвать «духом времени». Эти и другие компоненты объединяются, чтобы обеспечить момент для многократного запуска алхимической карусели. Если мы хотим не только описать её извне, но и понять её устройство и функцию, мы должны искать пути её проникновения. Целый ряд подходов был опробован в исследованиях алхимии[1], однако постоянно появляются новые методы, и даже нестандартные исследования истории науки, которые предоставляют определенные возможности для решения частных проблем, связанных именно с психологическими и социологическими аспектами этой темы. К таким относится использование художественной литературы того периода для лучшего понимания алхимии, поскольку этот тип литературы часто отражает искусство Гермеса. Это позволяет нам, естественно, осознавая ограничения такой процедуры, сформулировать определённые частные постулаты. Этот подход не может претендовать на полноту, но даже информация почерпнутая таким образом может дополнить выводы, сделанные нами на текущий момент. Этот подход оправдан фундаментальными функциями художественной литературы, к которым, несомненно, относится её способность свидетельствовать о времени и людях. Ограничения этого метода обусловлены, в частности, субъективным подходом, выте-

1 Попытка психоаналитика К.Г. Юнга растолковать алхимию с точки зрения психоаналитики весьма вдохновляющая (Jung 1968).

кающим из авторской, в определённой степени ангажированной точки зрения, а также из отбора литературы, используемой для анализа. Эти два принципиальных ограничения могут быть, по крайней мере частично, устранены путем сравнения нескольких точек зрения, соизмеримых с энциклопедий своего времени.

Speculum Alchemiæ[2]

Описания магии и колдовства «химической» природы можно найти в древних легендах. В ранней литературе нет недостатка в ссылках, указывающих на стандарт химических знаний того времени. Однако, образ древней химии, реконструированный таким образом, был бы слишком расплывчатым, и потребовались бы значительные домыслы, чтобы получить более четкую картину; поэтому мы оставим древнюю литературу в стороне и сосредоточим наше внимание на средневековой европейской литературе[3]. Путь от натурфилософских концепций древних мыслителей до рассуждений европейских алхимиков долог и проходит именно через лаборатории Александрии и Аравии. Примерно в начале XIII в. европейские алхимики, хотя все еще находились под влиянием древних и арабских авторитетов, начали самостоятельно искать способ осуществления трансмутации и приготовления эликсира жизни. С того момента, как химия в алхимическом обличье сделала свои первые шаги на Европейском континенте, развязались диспуты о том, что с ней делать, и споры подобного содержания время от времени возникают и по сей день. Как же тогда понимать алхимию? Является ли это мошенничеством, мистификацией или обманом, или это донаучная дисциплина, предоставляющая людям возможность заглянуть за завесу природы, которая тогда еще была полностью закрыта? Здесь мы не находим ясных ответов так же, как неоднозначна и деятельность самих алхимиков: среди них мы находим ученых, внесших значительный вклад в человеческие знания, а также мошенников и шарлатанов, стремящихся к собственной личной выгоде. Решение этого лабиринта проблем отнюдь не простое, и выбранный метод, по крайней мере, поможет нам, учитывая все преимущества и недостатки, получить представление о мнении современников, нашедшем отражение в произведениях выдающихся писателей.

2 Зеркало Алхимии.

3 В данном случае, безусловно, было бы более рационально упомянуть, что упоминания об алхимии можно найти в арабской литературе. Однако, если нас интересует европейский подход к алхимии, то нет необходимости подробно рассматривать науку и ее деятелей в данном случае.

XIII в. был периодом расцвета европейской алхимии. Ею занимаются выдающиеся мыслители, и теоретические проблемы, связанные с трансмутацией, становятся предметом научных дискуссий, что способствовало официальному включению алхимии как дисциплины в систему схоластической науки[4]. Как только она стала частью официальной науки, и двери университетов были открыты для неё, ничто не мешало мирянам ознакомиться с ней, что оказало существенное влияние на её имидж. За спекулятивными рассуждениями, посвященными главным образом трансмутации, последовала их практическая реализация, и именно здесь началось балансирование алхимии на грани мошенничества, длившееся несколько столетий, потому что значительные знания о химических веществах и процессах часто приводили к их неправильному использованию. Несмотря на первые запреты[5], общество XIII в. имело тенденцию относиться к алхимии в целом благосклонно. Однако уже тогда можно было бы выделить попытки провести различие между отдельными типами ее сторонников. Помимо ученых трактатов, защищающих или осуждающих алхимию, мы также можем найти одно из её первых художественных отражений во второй части (написанного примерно в 1277 г.) «Романа о Розе» (de Lorris, de Meun 1914–1924).

Эта аллегорическая композиция переносит нас, в ходе повествования о борьбе армии Амора, в мастерскую, в которой Природа дает начало человечеству, кующему и обновляющему различные части мира[6]. Мастерская Природы производит оригиналы, которые также хочет создать Искусство, но этого недостаточно, чтобы преодолеть Природу. Искусство действительно создает успешные имитации, но им не хватает того, что является самым важным, — жизни. Однако, по мнению автора стихотворения, алхимия — это настоящее искусство, потому что она способна трансмутировать металлы (de Lorris, de Meun 1914–1924: 83–95). Но трансмутация — дело нелегкое; она зависит от условий, возникающих в области алхимической теории, с одной стороны, и от этики, с другой. Интерпретация «Романа о Розе» впервые знакомит нас с фундаментальными отправными точками теории трансмутации металлов. Началом алхимического опыта является получение сплава металлов, состоящего из ртути и серы (de Lorris, de Meun 1914–1924: 122–124), на который затем воздействуют различные ингредиенты, главным из которых является

4 Комплексно процесс в целом анализируется в: (см.: Obrist 1986).

5 Запрет на занятие алхимией впервые появляется в религиозных кругах. В 1273 г. он вступает в силу среди членов ордена доминиканцев (1273) под страхом отлучения от церкви.

6 Автором данных отрывков является менестрель Филиппа IV и Карла I Анжуйского Шопинель де Ма, который продолжил оригинальные строки Гильома де Лорриса.

эликсир, действие которого было действительно более чем привлекательным: золото можно было получить из ртути, драгоценные камни из золота и т.д. (de Lorris, de Meun 1914–1924: 132–144).

Описание Шопенелем действий алхимика позволяет нам сделать определенные выводы о концепции алхимии в то время, хотя на очерченные контуры, безусловно, повлиял тот факт, что он сам проявил интерес к этой дисциплине. Ключевой особенностью его концепции является приписывание алхимии способности работать одновременно с природой. Человек, проникший в тайны искусства Гермеса, способен реализовать в своей лаборатории некоторые природные процессы, в данном конкретном случае процесс «прирождения» металлов в недрах Земли. Это утверждение звучит тоном, характерным для музыки будущих веков, то есть, идеей определенной эмансипации человека через его собственные возможности. Действительно, Природа жалуется, что человек — единственное её творение, отказывающееся повиноваться ей. Это явно симпатическое доверие к человеческим способностям будет развиваться алхимиками даже в будущем, но также станет источником трудностей, особенно из-за споров с религиозными догмами[7]. Первый элемент знаний, который можно почерпнуть из работ Шопенеля, — это понимание алхимии как области, связанной с трансмутацией металлов, которая может быть осуществлена аналогично трансформациям, происходящим в природе. Эта концепция алхимии не очень отличается от её интерпретаций, которые можно найти в научных трактатах тех времён.

Шопенель имеет дело не просто с алхимической теорией и практикой, но он уже делит алхимическое сообщество на три группы. В первую группу входят те, кто изучил определенные основы, а именно окраску и компаундирование металлов, которыми они довольны и считают их достаточными для достижения поставленной цели. Однако, по его мнению, они никогда не завершат работу.

7 Алхимия была наукой не только прикладного искусства, обладающая качеством производить различного рода вещества, духи и некоторые лекарства, не просто одной из наук (наука о качестве вещей), но также своего рода специфической разновидностью природы, своего рода «философией», которая противоречила христианским толкованиям человеческой греховности и смертности. «Фаустовский» мятеж против Божьего замысла берет начало из средневековой алхимической концепции (см.: Floss 1987: 221). Отношение церкви к алхимии нельзя назвать просто негативным, хотя бы потому что ряд теологов рассматривали алхимию как помощь, которая могла быть использована при трактовке некоторых догм (см.: Ganzenmüller 1938: 83–87).

Пусть даже алхимию освоит мастер,
окрасит все металлы — скорей лишится жизни,
чем движенье даст созданьям.
Им суждена навеки низменность.
Как ни усердствует Искусство,
но не дано ему с Природою сравниться[8].

Среди этой группы алхимиков мы можем видеть попытки создания золота, которое происходит одновременно со всей эволюцией алхимии и бросает тень на её отдаленного родственника. Даже вторая группа алхимиков, для которой характерны чрезмерные теоретические спекуляции, не может сравниться с Природой.

Все, пока живы, рвением объяты,
но никогда не превзойдут Природу.
Так она искусна,
что ей самой милы ее творенья.[9]

В отличие от этих двух представителей различных ориентаций в алхимии или близких к ней, настоящий алхимик (третья группа) действительно предан своей работе, для которой он находит наставления и в других сферах человеческой жизни (упоминается римское стеклоделие). Настоящий ученик должен подходить к алхимии без каких-либо скрытых мотивов, и только тогда он испытает великие чудеса:

Тот, кто разумен,
в ней найдет чудес без счету.[10]

Таким образом, «Роман о Розе» познакомил нас с тремя группами алхимиков, каждая из которых старалась достичь своей цели, используя различные методы. Первая — постоянно повторяющимися экспериментами, т.е. своего рода методом проб и ошибок, вторая — попытками решить всю проблему на уровне теоретических спекуляций, тогда как третья, по мнению Шопенеля, единственная подлинная, сочетает в себе только теоретические и практические аспекты. Последняя группа может быть названа единственной, подлинно алхимической, потому что первый тип

8 de Lorris, G., de Meun, J. 1914–1924: 16065–16070. Используется перевод со старофр. Н.В. Забабуровой. См.: Лоррис Г. Роман о Розе. Ростов н/Д: Югпродторг, 2001. С. 215–216.
9 Ibid. 16145.
10 Ibid. 16085.

алхимиков представляет скорее отрасль золотодобычи, в то время как теоретики в основном являются натурфилософами, для которых алхимия является инструментом для изучения природы.

Шопенель действительно выдвигает определенный социологический анализ алхимического сообщества, однако он ничего прямо не говорит о статусе алхимиков в современном обществе. Однако его молчаливость также имеет значение. Защита той или иной дисциплины от её противников вполне типична для ряда средневековых работ, посвященных самым разнообразным областям человеческой деятельности. У Шопенеля этого нет, но это также может указывать на то, что алхимия и не нуждалась в такой защите. Тот факт, что она вообще появилась в работе Шопенеля, также косвенно может свидетельствовать о её положительном восприятии. Этот факт в некоторой степени подтверждается самим автором, поскольку он занимал пост королевского менестреля и вряд ли продемонстрировал бы свое положительное отношение к алхимии, если бы это было связано с чем-либо социально неприемлемым.

Таким образом, «Роман о Розе» представил алхимию как человеческую деятельность, которая в начале своей эволюции вызвала более или менее благоприятный отклик, что, вероятно, было связано с её общественными задачами и с тем фактом, что противоречие между заманчивой теорией и посредственной практикой не успело вспыхнуть в полной мере. Разделение отдельных групп защитников искусства Гермеса, безусловно, должно оказаться интересным и даже важным фактом в истории алхимии. Каждая попытка проанализировать ее исторически действительно должна основываться на этом, потому что резкая критика золотодобытчиков часто рассматривается как критика всей дисциплины, которая много раз отделялась от золотодобычи.

Портрет алхимии Шопенеля представляет собой относительно спокойный период её эволюции в Европе, за которым вскоре последовали революционные изменения во взглядах на эту дисциплину. В самом начале XIV в. новое отношение к алхимии нашло отражение в комедии Данте «Божественная комедия» (Dante 1969), то есть в её части «Ад» (написанной в 1308 г.). Данте, во время «посещения» ада, спустился в восьмой круг:

«До глуби, где, служительница бога,
Суровая карает Правота
Поддельщиков, которых числит строго»[11]

11 Dante 1969: XXIX, 55–57.

В этом мрачном пейзаже он встретил двух несчастных, страдающих от зудящих струпьев. На вопрос поэта оба рассказывают, что они занимались алхимией на Земле и что теперь они были справедливо наказаны. В то время как Гриффолино из Ареццо не вдается в подробности своего стиля работы с алхимией[12], Капоккьо признаёт, что с помощью алхимических практик он ковал металлы:

«Капоккьо, тот, что в мире суеты
Алхимией подделывал металлы;
Я, как ты помнишь, если это ты,
Искусник в обезьянстве был немалый».[13]

Упоминание Данте ни в коей мере не является всеобъемлющим, тем не менее, оно дает нам актуальный на тот момент взгляд на алхимию, что тем более ценно, поскольку оно включает реакцию на реальный факт, потому что оба несчастных являются личностями, исторически доказуемыми. Поэтому в изложении Данте главное возражение звучит так: это искусство опасно, потому что оно дает возможность подделывать монеты. По сути своей, острая критика направлена не против алхимии в целом, а против её неправильного использования, хотя, с другой стороны, автор «Божественной комедии» также не был особенно заинтригован претензией алхимиков на подражание природе. Критика пока еще не нацелена совершенно открыто, однако она понимается неявно.

Осуждение алхимии, представленное в «Божественной комедии», никоим образом не может относиться к алхимии в целом, а только к группе шарлатанов, упомянутых ранее Шопенелем. Алхимическая теория и цели алхимиков совершенно выше критики, так что мотивацию отношения Данте должно искать в правовой экономической или этической сфере[14].

Критика алхимии, которая приняла форму не только научных трактатов, сатир, но и светских и религиозных декретах в течение XIV в., росла пропорционально расширению дисциплины. Причина, по которой число алхимиков постоянно увеличивалось, заключалась именно в изменени-

12 Гриффолино говорит:
«Но я алхимик был, и потому
Минос, который ввек не ошибется,
Меня послал в десятую тюрьму» (см.: Dante 1969: XXIX, 118–120)

13 Dante 1969: XXIX, 136–139

14 Отношение Данте к алхимии, основанное главным образом на осуждении практики шарлатанов-золотодобытчиков, совпадает с официальной точкой зрения, выраженной в Булле 1317 г. «Spondent quas non exhibent». Основной акцент сделан на том, что алхимию часто использовали для подделки монет.

ях средневековой экономики, которые, помимо всего прочего, привели к повышению важности функции денег. Их отсутствие вызывало у многих дворян и горожан колоссальные трудности, которые было нелегко преодолеть. И вдруг, как пресловутый «Бог из машины», появляется алхимик, обещающий решить все проблемы.

«Вас гонит сюда бичами алчности неуемное безумие, когда вы принимаете желаемое за действительное и считаете ложным то, что истинно» (Petrarca: 305) предупреждает спонсоров алхимиков Петрарка, однако, все еще есть большое количество тех, кто хочет верить, и, по понятным причинам, также тех, кто подпитывает эту веру и поощряет её. Путь к успешной трансмутации сложен и утомителен. Но что, если алхимик тем временем «протянет руку» монетному двору? Даже в этом случае эти знания могут быть переоценены. Трансмутация золота находится далеко за горизонтом, но изменения действительно произошли: алхимик стал фальшивомонетчиком. И вот тогда плутовское колесо обмана начинает вращаться, чтобы привести своих пассажиров либо к столбу, либо к позолоченной виселице. Фальшивая монета — очень деликатное дело. Именно с этой целью Альберт Великий внушил неофитам принцип искусства Гермеса: «*Septimum est, quod cavere debes ante omnia, ne apud principes vel potenies intromittas te aliquibus operationibus, dua mala: si enim intromiseris te, tunc de tempore ad tempus requirent a te, & dicent, Magister quomodo succedit tibi? quando videbimus aliquid boni? Et no valentes expectare finem operis, dicent, nihil esse, trussam esse, & c. & tunc habebis tædium maximum*» (Argentorati 1659: 428).

Однако не всю вину следует возлагать на нетерпеливых спонсоров. Алхимия также начала терять завоеванные позиции, потому что программа исследований химических соединений и веществ в рамках установленного объема становилась исчерпанной, хотя цель все еще оставалась привлекательной. Теория серы и ртути медленно, но верно заходила в тупик, и «пытливые» вопросы её противников ничуть не облегчали ситуацию. Одним из них был еще один гений итальянской литературы Франческо Петрарка. В его трактате «О средствах против превратностей судьбы» Разум противостоит Надежде. Тот факт, что Разум является противником алхимии, указывает на то, что Петрарка выступает против поощрения алхимии. Надежда, по сути, ограничивается повторением того, что она ожидает успешный исход алхимического труда. Однако она не подкрепляет свою веру ни одним существенным аргументом и, постоянно повторяя одну и ту же тему, возможно, способна убедить саму себя, но вряд ли читателя. Весь диалог ведется в духе победы Разума, предъявляется все больше и больше доказательств некомпетентности алхимиков. Доводы Разума, или, скорее, аргументы

Петрарки основаны главным образом на подчеркивании огромной разницы между тем, что обещают алхимики, и тем, что они на самом деле достигли: *«На какой исход, спрашивается, можно надеяться, кроме дыма, пепла, тяжелого труда, воздыханий, лживых слов, обмана, бесчестия? Ибо результаты алхимии таковы: бедный никогда не становился богатым, а многих богатых алхимия доводила до бедности — это мы часто видели»* (Petrarca: 305). Критика алхимии серьезна на протяжении всего текста, и читатель в некоторой степени удивлен тем, что Петрарка сохраняет пути к отступлению. Он упоминает экспертов, хорошо знакомых с обработкой металлов (Petrarca: 305–306), у которых, по-видимому, был ключ к трансмутации. Этот отрывок характерен не только для Петрарки, но его можно найти в работах средневековых экспериментаторов, которые критиковали алхимию, но не сомневались, что «в далеком прошлом» жили действительно алхимики, которые могли выполнить то, что современные алхимики только обещали. Интересно отметить, что работы экспериментаторов содержали один аргумент, уже выдвинутый самим Петраркой. Разум побуждает Надежду заставить алхимиков, обещающих трансмутацию, в первую очередь покончить с нищетой в земном мире (Petrarca: 306). Целое столетие спустя Агрикола повторяет: «*Nam si ea perciperent, cum tam multi fuerint, & sint oppida iam diu auro & argento repleuissent*» (Агрикола 1556).

Петрарка не ограничился тем, что просто бросил вызов сомнениям и обещаниям алхимиков, хотя именно в этом заключается суть аргументации. Он также дает живописный отчет о доме, в который были допущены алхимики (*«Дом твой будет наполнен удивительными приспособлениями и странными гостями. Будут там обжоры и пьяницы, и те, кто кого по заслугам иссушил огонь алчности; будут там надутые хвастуны, мошенники и шуты. Во всех углах будут тазы, чаши, сосуды с душистой водой, а кроме того, нездешние соли, и сера, и дистилляторы, и плавильные горны»* (Petrarca: 306), и о последствиях этого необдуманного шага для неосторожного владельца. Поэт, однако, не удовлетворяется простым описанием, но пытается найти причины, по которым алхимия, всё еще остается фаворитом, хотя её пагубные последствия известны. Он находит причины в жадности. Эта человеческая слабость затем эксплуатируется коварными алхимиками, которые в одном случае довели молодого человека до нищеты: «Тот кто обещает тебе свое золото, неожиданно сбежит с твоим» (Petrarca: 306).

Петрарка представил алхимию как довольно распространенное явление, по крайней мере, в Италии («Имеется множество обманчивых приемов из алхимии» (Petrarca: 305)), взращенное человеческой слабостью. Не возражая против основ, на которых основана алхимия, он поставил

под сомнение её смысл, указав на то, что в отличие от Данте он больше не различает мошенников и алхимиков, хотя и не преминул упомянуть настоящих мастеров обработки металла. Это указывает на то, что уловки золотодобытчиков в его время произвели гораздо более сильное впечатление на сознание общества, чем рациональное ядро алхимии. Растущий интерес к алхимии в научных кругах действительно является доказательством этого.

О том, что алхимия была относительно широко распространена в Европе в XIV в., свидетельствует еще одна пара авторов, это Гауэр и Чосер, которые чувствовали, что должны отреагировать на это явление в художественной форме. Поэтому мы переместимся из Италии в Англию, где поэт Джон Гауэр написал свое самое известное произведение «Исповедь Амантиса» (Gower 1900–1901) примерно в 1380 г. Как и ряд других авторов, Гауэр также выбрал излюбленную тогда форму диалога, в данном случае между автором и поэтом, и жрецом Венеры, Гением. Исповедь поэта сменяется проповедью Гения, которая на многих примерах демонстрирует пороки, поражающие человеческий род. Сам факт того, что мотив алхимии был включен в работу, посвященную социальной теме, помимо работ Данте, Петрарки и Чосера, является еще одним доказательством того, насколько глубоко укоренилась алхимия в обществе XIV в.

В Англии деятельность алхимиков была даже официально освящена, потому что король Эдуард III считал их деятельность выгодной не только для себя, но и для королевства в целом[15]. Современный источник утверждает, что алхимики производили серебро при королевском дворе[16]. Это был неоспоримый факт, однако трансмутация, проведенная королевскими алхимиками, была несколько своеобразной, их задачей было заменить серебро в монетах недорогим металлом. Таким образом, часть алхимиков нашла аналогичную работу по обе стороны Канала, и, следовательно, тем интереснее, что, хотя критика, которой они подвергались, была схожей, у англичан нет возражений против подделки монет. Могли ли Гауэр и Чосер, которые оба жили во времена правления Эдуарда III (1327–1377), так сильно пострадать от власти суверена, или они

15 Период правления короля Эдуарда характеризуется острым финансовым кризисом. Он вел изнурительные войны, казна переживала дефицит, более того, предпринимал попытки обмануть парламент, от которого зависели его налоговые поступления. Вот почему он поддерживал алхимию, а это еще одно доказательство, зачем на самом деле нужны были алхимики.

16 Более подробно в: (Obrist 1986: 51)

не считали этот способ алхимии вредным? На этот вопрос сегодня вряд ли можно ответить, но факт остается фактом: Гауэр[17], хотя он и не упоминает о фальшивомонетчиках, считает алхимию бесполезной, упрекает её в том, что она превращает богатых людей в нищих, потому что для получения фунта металла в ходе алхимических экспериментов нужно было потратить не менее пяти фунтов (Gower 1900–1901: 2591). Во многом, как и Петрарка, английский поэт убежден, что основатели алхимии, Гермес Трисмегист и Джабир (Гебер), если упомянуть только двоих, в совершенстве овладели своим искусством (Gower 1900–1901: 2606–2612), в то время как их последователи мало что понимали в своей деятельности.

Гауэр немного добавил к образу алхимии, повторив лишь форму и содержание аргументов Петрарки. Между тем, он сделал акцент на различиях «истинной» и «ложной» алхимии, которые, конечно, имели минимальное практическое значение в его время.

На фоне критики Данте, Петрарки и особенно Гауэра можно почувствовать скорбный оттенок печали по поводу того, что время, мастерство, средства и, наконец, даже человеческие жизни были растрачены впустую. В отличие от этого тона, Джеффри Чосер внезапно приходит с едкой и недвусмысленной иронией. Он очень старался разобраться с алхимией в своих знаменитых «Кентерберийских рассказах» (1387–1400), в которых посвятил этой теме весь «Рассказ о йомене Канона» (Chaucer 1957). Сюжет сказки никоим образом не сложен и следует двум тенденциям развития. Группа паломников идут в Кентербери к могиле св. Томаса Бекета, по дороге к ним присоединяется пара человек странной внешности, которыми оказываются хозяин и слуга. На вопрос, кто они такие, слуга рассказал о хозяине (Chaucer 1957: 251):

«В таких премудростях он преуспел,
Что, если бы я даже захотел
Вам их поведать, не нашел бы слов

17 Как видно из работы, Гауэр был хорошо знаком с алхимией. В отличие от своего современника и хорошего друга Чосера, он не занимался алхимической практикой, а подробно анализировал теорию. Источник его познаний неизвестен, хотя считается, что два поэта, возможно, работали вместе. Однако этот эпизод не может быть доказан, ровно, как и тот факт, что один заимствует тексты другого. Более того, формация и, в некоторых местах, содержание и интерпретация алхимии как науки различаются. В своей поэме Гауэр отразил связь между металлами и планетами (см.: Gower 1900–1901: 2467–2475), ртутно-серную теорию (см.: Gower 1900–1901: 2476–2483), описывает чередование отдельных алхимических процессов (см.: Gower 1900–1901: 2512–2520) и уделяет значительное внимание основной теме алхимических споров — философскому камню (см.: Gower 1900–1901: 2531–2579).

(Хоть я свидетель всех его трудов).
Когда бы пожелал, он всю дорогу
До Кентербери вашего, ей-богу,
Устлать бы мог чистейшим серебром
Иль золотом. Не верите?»…

Появление алхимика на сцене действительно впечатляет и служит для того, чтобы подчеркнуть первую насмешку Чосера. На хвалебную речь слуги трактирщик ответил так (Chaucer 1957: 251):

«Хвала Христу, — трактирщик тут сказал,
Но если господин твой путь узнал
К премудрости такой, к богатству, силе,
Что ж о себе, друзья, вы позабыли?
Грязна его одежда и ветха.
Конечно, может быть, и нет греха
В таком смирении, но все ж скупиться
Всесильному как будто не годится».

В замечании трактирщика демонстрируется аргумент, используемый, возможно, всеми противниками алхимии, но в данном случае он подается с соответствующим акцентом, который усиливается с каждым словом рассказа слуги. Изобразив жилище алхимика в мрачных тонах (Chaucer 1957: 252), он продолжает описывать свою работу следующими словами (Chaucer 1957: 252):

«В огне сжигаю жизнь свою дотла.
Вотще! Не думаю достигнуть цели,
Хотя бы без остатка мы сгорели.
И скольких соблазняем мы мечтой;
Тут крону мы займем, там золотой,
А то и сразу фунтов десять, двадцать.
И заставляем дурней дожидаться,
Покуда фунт не обратим мы в два.
У нас самих кружится голова:
Их обманув, себя надеждой тешим,
Свои ошибки повторяем те же.
Опять, как прежде, ускользает цель.
Похмелье тяжкое сменяет хмель.
А завтра простаков мы снова маним,
Пока и сами нищими не станем».

И алхимик решает быстро покинуть странника. После бегства каноника слуга имеет полную свободу действий и должным образом использует ее: он жалуется паломникам на свою печальную судьбу, судьбу человека, который вложил всё в алхимию (Chaucer 1957: 253–254). Описание отнюдь немалых алхимических знаний занимает более чем 70 строк (Chaucer 1957: 254–257). Теперь мы оставим неудачно развитые химические пассажи в рассказе Чосера.

Первое, что удивляет, — это то, что они хорошо обоснованы и что, возможно, ничто из основных алхимических знаний не было упущено. Чосер цитирует классиков алхимии, излагает свое мнение об алхимической теории, описывает эксперименты, называет отдельные операции, необходимые инструменты и оборудование, а также упоминает значительное количество химических веществ, необходимых для лабораторных работ. Описание химических экспериментов указывает на эксперта, чьи познания можно было бы объяснить изучением алхимических трактатов. Однако не следует забывать, что это XIV в., когда подобные публикации были не многочисленными, и когда, разумеется, было непросто заполучить этот вид литературы. Более того, она носила в основном теоретический характер. Следующее возражение ещё более серьезно: как объяснить глубокое знание автором алхимических практик, которыми, несомненно, никто не хвастался публично? Действительно, в эпизоде с обманутым священником, о котором будет упомянуто позже, подробно и со знанием дела описаны три способа мошеннической трансмутации, их описание однозначно свидетельствует об опыте автора в этой области. Теперь возникает вопрос о том, где и каким образом Чосер смог получить эти знания, которые послужили ему основой для критики алхимии. Давайте обратимся к факту, что он известен как автор руководства по астролябии. Изучение астрономии не исчерпывало его интерес к естественным наукам, особенно с тех пор, как алхимия приобрела что-то общее с астрономией, или, скорее, с астрологией. Знакомство с алхимией не должно было быть очень сложным, потому что он уже в юности занимал ряд должностей при дворе Эдварда.

По-видимому, именно здесь находился его источник информации. Однако, что заставило его принять такой насмешливый тон и изобиловать сатирой? Ряд авторов ссылаются на личный опыт Чосера, утверждая, что он был обманут алхимиком[18] (Craig 1963: 204), и в этом случае «Рассказ о йомене Канона» может даже содержать автобиографические

18 Д. Брюэр предпринимал попытки поставить под сомнение это суждение, но не привел никаких доказательств, кроме собственного убеждения (Brewer 1988: 20).

элементы. Повествование слуги, особенно его заключение, допускает иную интерпретацию. Отвращение Чосера к алхимии, продемонстрированное в недвусмысленной манере, было вызвано мошенническим поведением алхимика, с которым он лично познакомился, но его убежденность в том, что трансмутация невозможна, явно сыграла важную роль. Он подкрепляет свое убеждение анализом высказываний старых алхимиков, которые, по его мнению, овладели искусством трансмутации, но не смогли передать его своим преемникам (Chaucer 1957: 274):

«Вот чем я кончу: если бог всесильный,
На милости и на дары обильный,
Философам не хочет разрешить
Нас добыванью камня научить, —
Так, значит, думаю я, так и надо».

Это отправная точка Чосера в его дальнейшей критике, т.е. сомневаться и оспаривать деятельность алхимиков с теоретической точки зрения. Такая интерпретация исходит из повествования йомена канона, который сосредоточился на красочном описании того, что должен ожидать любой, кто имеет дело с алхимией[19].

Далее следует описание экспериментов и неудач, с которыми столкнулись каноник и его помощники. Больше, чем насмешки, интересует психологический набросок личности алхимика Чосера, тон которого слегка контрастирует с контекстом рассказа (Chaucer 1957: 258). Действительно, можно заметить признак, трудно сказать, спонтанный или преднамеренный, восхищения этими людьми, которые преследуют свою цель независимо от неблагоприятных условий.

19 *«И медь — Венера. Сотни колб я вытер,*
И хоть бы зернышко одно на дне,
Хоть отблеск солнечный увидеть мне.
И кто ввязался в наше ремесло,
Тому конец. С собою унесло
Оно богатств и жизней очень много.
В нем к разоренью верная дорога.
И кто безумство хочет проявить,
Пускай начнет он золото варить.
Кого к себе обогащенье манит,
Пускай философом несчастный станет» (Chaucer 1957: 256–257).

«Но дело в том, что, сколько мы ни бьемся
(Иной раз кажется, что надорвемся),
А эликсира в колбах нет следа.
Но нас не покидает никогда
Надежда, что на дне он заблестит
И все расходы наши возместит;
А не надейся мы, наш труд и горе
С ума свели бы нас, несчастных, вскоре.
И, на беду, надежда та крепка,
До самой смерти манит дурака.
И ремесло свое он не клянет:
Он сладость в горечи его найдет.
Алхимиков уж таковы замашки, –
Они постель заложат и рубашку
И плащ последний лучше продадут,
Чем скрытые мечтанья предадут».

Это не обвинение, и алхимик не приравнивается к мошеннику. Нас знакомят с исследователем, фанатично преданным работе, который никого не обманывает и который сам является жертвой неудачи. Эта часть, однако, является лишь проблеском, после чего повествование возвращается к предыдущей схеме, и йомен начинает рассказывать историю о священнике, историю, которая представляет собой анатомию мошенничества, основанную на человеческой жажде золота (Chaucer 1957: 258).

Повествование Чосера дает краткое изложение присущих тому времени мнений об алхимии, и, кроме того, он добавляет ряд своих наблюдений и знаний, хотя некоторые из них содержат проблему, которая вряд ли может быть решена сегодня. В поисках мотивов, побудивших Чосера так сурово критиковать алхимию, возникает еще один вопрос. «Пролог и рассказ слуги каноника» — единственное повествование, относящееся к периоду жизни Чосера. Почему автор выбрал алхимию в качестве темы? Действительно ли это было так широко распространено и популярно или это отражает своего рода «сувенир», который частично можно найти у Гауэра, предупреждающего человека о состоянии общества? И, в конце концов, существует вероятность того, что автор сводит счеты со своим собственным прошлым. Текст не дает ответа на эти вопросы, и, к сожалению, также данные, относящиеся к жизни поэта, в этом отношении довольно кратки. Давайте тогда рассмотрим алхимию как часть жизни Чосера, независимо от того, была ли она предметом его интереса как дисциплина или темой, используемой для отражения одного из пороков общества.

Повествование Чосера об алхимии в сравнении с рассказами его предшественников не только наиболее полно и содержит больше информации, но и предоставляет нам новые подходы. Подчеркивается не только этический аспект, хотя Чосер считает его значительным, но и общая картина также содержит суть, из которой возникла алхимия. Мы извлекаем пользу из его попыток определить, что заставило алхимиков стремиться к давно проигранному делу и что побуждало спонсоров поддерживать их. Решение этой проблемы тем ценнее, что оно было предпринято человеком, который, весьма вероятно, имел непосредственный контакт с алхимией.

С рассказом Чосера XIV в. попрощался с алхимией и в это время не было опубликовано лучших отчетов. В последующем столетии существовало аналогичное мнение. Поскольку мы попытались изложить позиции того времени с помощью работ, которые, по нашему мнению, отражают период, мы можем сохранить процедуру, поскольку в 1493 г. была опубликована сатира «Корабль дураков» (Brant 1872), в которой автор, известный юрист из Базеля, по имени Себастьян Брант, описывает человеческие слабости и социальное зло, в том числе алхимию, в 111 стихотворных этюдах. На корабле, направляющемся в страну дураков, алхимики среди прочих дураков все теснее связываются с теми, кто использует самые различные препараты для фальсификации вина и подделкой мехов. Арсенал возражений Бранта не очень разнообразен и не оригинален, он использует аргументы Аристотеля и упрекает алхимиков в мошеннических превращениях:

«Я не должен забывать здесь
о количестве алхимиков,
которые могут делать золото и серебро,
которые ранее были помещены в горшках»

и использует их поведение в целом как пример глупости, связанной с мошенничеством.

Критика Бранта никоим образом не была оригинальной, она повторяет аргументы, высказанные ранее. Однако важно то, что это свидетельствует о неизменном подходе к алхимии, хотя, в отличие от своих предшественников, он даже не делает различий между алхимиками. Он просто считает их всех дураками и мошенниками, чему только способствует гравюра на дереве, прикрепленная к его повествованию, на которой алхимик изображен с клоунской улыбкой.

Учитывая реакцию, которую вызвал «Нарреншифф», Брант отдал должное взглядам своего периода и отразил тот раздел истории алхимии, в котором она была отодвинута на периферию науки и общества.

Интересно отметить, что, по-видимому, так же обстояло дело и в странах, в которых эта дисциплина возникла гораздо позже и в которых у неё еще не было времени развиться со всеми ее плюсами и минусами. Примером может служить Богемия (Чешские земли), где алхимия, скорее всего, появилась в XIV в. В конце века алхимия упоминается в стихах Смила Флашки из Пардубиц «Новый совет» (1876), в которых совет, состоящий из животных, передает государю:

«Ни один король
не откажется по своей воле от возможности
делать золото».

Похоже, что здесь нет и следа критики алхимии, и что короля действительно призывают заниматься ею. Характер этого предложения, однако, объясняется советником — обезьяной…

Работы авторов XIV и XV вв. свидетельствуют, что алхимия распространилась по всем развитым европейским странам. В результате нарастающих кризисных явлений, связанных с теоретическими трудностями и с ухудшением репутации золотодобытчиков, первоначальное благоприятное отношение общества к алхимии сменилось жесткой критикой[20], направленной на борьбу с уловками мошенников и наличием противоречий между алхимической теорией и практикой.

Alchemia rediviva[21]

После затянувшегося упадка, отраженного в работах авторов XIV и XV вв., алхимия начала возрождаться во многом благодаря реформам Парацельса и иным научным открытиям эпохи Возрождения. «В эпоху Возрождения алхимия высоко ценилась еще и потому, что это была наука, объединявшая силу природы и чувства человека, в частности, зрение. “Философы-химики” гордо заявляли, что изучаемая ими наука открыла миру всё “ad oculum clare demonstrat”» (Floss 1987: 228). Переместившись с периферии в центр, алхимия стала предметом научных трактатов, и в Европе на это время пришлась новая волна спонсорства, которая достигла кульминации во второй половине XVI в. Из художественной литературы того времени о новом подходе «алхимии Парацельса» мало что можно понять, однако некоторые характеристики, очевидные изме-

20 Одним из исключений XV в., в котором отношение автора к алхимии кажется благосклонным, является старочешское произведение Ткадлечека (1407). В момент своего несчастья ткачу советуют: «Научись мастерству и искусству алхимии…» (Tkadleček 1974: 174).

21 Алхимия оживляющая.

нения и метаморфозы науки можно отследить. Их можно скорее почувствовать, чем действительно отыскать. Одним из таких произведений является, к примеру, энциклопедия человечества (1532–1548), написанная Франсуа Рабле, который описывает в сатирической форме приключения Гаргантюа и Пантагрюэля (Rabelais 1955).

Тема алхимии красной нитью проходит в течение всего повествования о судьбах двух великанов-обжор. Несмотря на поистине грубую методику воспитания Гаргантюа, его наставник Понократ знакомит ученика с ремеслами и работами различных мастеров, среди которых алхимики упоминаются наряду с каменщиками, ювелирами и монетными мастерами (Rabelais 1955: 76). Когда Рабле описывает обучение Пантагрюэля в Париже, он отправляет героя в библиотеку, расположенную в аббатстве св. Виктора, где среди таких «жемчужин» науки, как *«Жалоба адвокатов на реформы в области подношений»*, *«Ответ тем, кто утверждает, что папский мул питается в строго определенные часы», «Оккамовы поварята с простым постригом»,* встречается трактат *«Опыты алхимериков»* (Rabelais 1955: 195–200). Для раскрытия отношения автора к научному познанию важно рассмотреть письмо Гаргантюа Пантагрюэлю, в котором отец дает наставления сыну: что стоит изучать, а что нет. Рабле пишет об этом так: *«К свободным наукам, как-то: геометрии, арифметике и музыке, я привил тебе некоторую склонность, когда ты был еще маленький, когда тебе было лет пять-шесть, — развивай ее в себе, а также изучи все законы астрономии; астрологические же гадания и искусство Луллия пусть тебя не занимают, ибо всё это вздор и обман»* (Rabelais 1955: 205).

Алхимия также упоминается, среди прочих тем разговора, когда в Париж прибывает англичанин Томас, чтобы обсудить её с Пантагруэлем. Перед своей поездкой к Пантагрюэлю он потерпел поражение от Панурга в рыцарском поединке, который являлся насмешкой над характером подобного диспута в схоластической традиции. В действительности из-за проблем Панурга оба друга отправляются к оракулу Божественной бутылки (la Dive Bouteille). В результате своей поездки они попадают на остров Квинт (намек на квинтэссенция схоластического характера), откуда их корабль возвращался наполненным странными пассажирами, среди которых друзья встречают своих знакомых, в частности господина Котираля, никого иного как Корнелия Агриппа, слегка «переименованного» Рабле: *«Узнав меня, он вскрикнул от радости и сказал: А ну, что это у меня? Поглядите (тут он показал на ослиный причиндал), вот настоящая альгамана, докторская шапочка — это наш единственный эликсир, а вот это (он показал на кочерыжку) — это Lunaria major. К вашему возвращению мы добудем философский камень. — Откуда вы? — спросил я. — Куда путь держите? Что везете? — Из Квинты. В Турень. Алхимию. Как свои*

пять пальцев. — А кто это с вами на палубе? — спросил я. — Певцы, музыканты, поэты, астрологи, рифмоплеты, геоманты, алхимики, часовых дел мастера, — отвечал он, — все они из Квинты и везут с собой оттуда прекрасные, подробные рекомендательные письма» (Rabelais 1955: 798–799). После подобной встречи в раблезианском стиле Пантагрюэль и Панург прибывают на остров Квинте, среди обитателей которого, естественно, были алхимики. Для описания жизни на острове Рабле использовал алхимию как средство выражения грубого сарказма: *«Другие превращали необходимость в добродетель, и я нашел это дело прекрасным и полезным. Иные зубами добывали золото, но это шло им не впрок».* (Rabelais 1955: 810). В последний раз в работе Рабле алхимия упоминается в части произведения, посвященной схоластическому созерцанию. Из довольно подробного, красочного описания становится понятно, что Рабле не был согласен с догмами этой науки. Нам действительно необходимо задать, в этой связи, принципиальный вопрос: почему представитель Нового времени выступал против алхимии?

Рабле, разумеется, не возражал против манеры поведения алхимиков, за которой наблюдали Гаргантюа и его учитель в ремесленных мастерских. Одно только это отношение характеризует дух человека эпохи Возрождения, который предпочитал работу бесполезному философствованию, которое представлено, например, в виде списка книг из библиотеки св. Виктора или в бурлескном рассказе странников, возвращающихся с острова Квинт. Это бескомпромиссная атака на остатки старого мышления, которое больше не может идти в ногу с новыми тенденциями. В этом смысле насмешка относится и к алхимикам. Однако, учитывая то, как они описаны в романе, ясно, что они являются сторонниками «дореформенной» алхимии, т.е. алхимии, все еще относящейся в схоластике. В романе не упоминается ни новая алхимия Парацельса, ни её создатель. Маловероятно, что Рабле как врач и весьма образованный человек не знал Парацельса, в чьих трудах были увековечены имена кумиров «старой» науки. Следует предположить, что возникшее в XVI в. направление алхимии — ятрохимия — не критиковалось писателем. Однако это всего лишь предположение, доказательства которого не были представлены в его работе.

Рабле использует алхимию в различных комических ситуациях, эффект от которых он усиливает также искажением имен. Очевидно, он делает это с единственной целью: продемонстрировать и высмеять злоупотребления схоластов, используя для этого и другие области человеческой деятельности. В этом контексте критика может относиться только к ранней форме алхимии. Вопрос о том, применима ли она также к ятрохимии, остается открытым.

Бен Джонсон, английский драматург, использовал алхимию, как и Рабле, в своих произведениях спустя более полвека. Он использовал мотив алхимии для пронзительной сатиры на человеческую жадность и стремление быстро и без труда разбогатеть. Пьеса Джонсона «Алхимик»[22] полна своеобразных фигур, больше всего из которых нас интересует неофит Гермеса Сатл. Одно только его имя говорит о том, с кем мы имеем дело. Однако автор комедии, хоть и делает попытки интерпретации алхимической теории, не столь заинтересован в ее критике, сколько в искоренении человеческих пороков. Именно поэтому Сатл, несмотря на то, что он шарлатан, не относится к плохим героям, в отличие от других (Трибюлейшен Хоулс, Анания, Сэр Эпикур Маммон, Драггер, Сурли). Вместе со своим приятелем Фейсом, дворецким, они скорее напоминают хитрых прислужников, чьё интеллектуальное превосходство над господином было благодатной темой комедий, привлекательной для зрителей. В пьесе, где упоминается алхимическая теория, но которая не посвящена ей полностью, можно проследить интересные моменты. Обратим внимание на характеристику Сатла, данную Маммоном:

«Он, будем справедливы, редкий врач,
Ну прямо Парацельс — чудесно лечит
Своими минеральными солями
Любой недуг. Ему подвластны духи!
Галена и его рецептов нудных
Он не выносит...» [23]

Это очень краткое, но очень точное описание нового типа алхимии, которая объединилась с медициной, чтобы сконцентрироваться на производстве лекарств, и которая также подчеркивает отвращение парацельсианцев к схоластической науке. Презентация Джонсона, какой бы ироничной она ни была, является еще одним доказательством выбранного метода, поскольку, помимо изображенного отношения к алхимии, также представлена информация о ее новом имидже, новых тенденциях, которые в ней появились. Алхимик Джонсона занимается не только изготовлением золота и лекарств, но и призван решить ряд других проблем; например, табачник Абсолон Драггер спрашивает его совета о том, как расставить мебель в своем магазине, чтобы увеличить число покупателей, и т.д. В этой связи интересно отметить высказывание Маммона о Сатле:

22 Комедия «Алхимик» была впервые поставлена в 1610 г. и опубликована в печатном варианте два года спустя.

23 Jonson 1990: 580.

«Конечно, он — ученый несравненный;
Он душу всех вещей извлечь способен
Своим искусством; он соединяет
В печи все чудеса и тайны солнца
И раскрывает пред тупой природой
Её же мощь»[24].

Даже если не обращать внимание на ироничный подтекст решаемых Сатлом, помимо алхимии, задач восприятие действующих персонажей к Сатлу указывает на изменение отношения к нему как к алхимику, который все больше раскрывается как маг — один из символов науки эпохи Возрождения, человек, который понимает все законы природы и способный использовать свои знания не только в своих интересах, но и во благо общества. Избранность таких людей подчеркивалась их эзотерической природой, также проявляющейся в языке символов и аллегорий. Сатл и Маммон объясняют значение эзотеризма сомневающемуся Серли, с современной точки зрения, весьма примитивно[25].

Сатл:
Все, что вы назвали,
Имеет цель у авторов одну –
Смысл истинной науки затемнить.

Маммон:
Я это уж втолковывал ему;
Цель — только в том, чтоб первый встречный неуч
Не мог, ее усвоив, исказить.

Сатл:
Изложена же мудрость египтян
Мистическими символами, сударь!
Священное писанье — целиком
Иносказанье. Лучшие из басен
Талантливых поэтов — этот ключ,
Первоисточник мудрости — полны
Сложнейших аллегорий. Вы согласны? [26]

24 Jonson 1990: 615

25 В разговорах между Сатлом, Маммоном и Сурли можно еще раз увидеть то, насколько точно Джонсон описывал алхимию, следовательно, ему были доступны знания о сути работы алхимика, а также о методах и используемых ингредиентах (Jonson 1990: 577–578).

26 Jonson 1990: 578–579.

Новое понимание алхимии как ответвления магии приводит к новому отношению к алхимикам, которое, по крайней мере на время, сменило вектор презрения на вектор интереса и признания.

Произведение Джонсона об алхимии указывает на те самые перемены, которые произошли в понимании целей этой науки, а также в социальном восприятии. Об алхимиках вновь начали говорить, и это привело к попыткам злоупотребить возрожденным доверием, как это делал Сатл. И вновь мы становимся свидетелями порочного круга, который поставит алхимиков в то положение, в котором они были в начале XVI в. Их работы будут осмеиваться, подвергаться сомнениям и вызывать недоверие.

И хотя можно было бы привести в пример произведения других авторов, лучше остановиться на восприятии алхимии в эпоху Возрождения на примере работы Джонсона. Его пьеса, так же, как и роман Рабле, чётко дают понять, что XVI в. отверг алхимию, основанную на схоластике, и создал новый подход. Возрожденная алхимия вновь становится частью науки, а алхимики стали уважаемыми членами общества, к которым нередко обращались за помощью. Однако даже алхимия XVI в. не смогла избежать шарлатанства, дурная слава о котором укоренялась среди людей.

Заключение

Несмотря на все ограничивающие факторы и во многом благодаря способности автора легко ориентироваться в проблемах, его личному интересу и цели, упомянутые ранее литературные произведения дают представление об алхимии в XIII — XVI вв. Эту науку невозможно изучить только на примере художественных работ, поскольку не всегда в них можно проследить её эволюцию и новые тенденции, а также проверить достоверность представленных автором фактов.

Интересно то как художественные произведения могут быть использованы для изучения процесса формирования научной дисциплины, в данном случае донаучного этапа становления химии, а именно алхимии. От малоизвестных античных преданий до первых европейских литературных памятников четкого представления о том, что представляет из себя эта наука, практически нет, за исключением того, что существуют химические процессы. Однако, как только алхимия получает развитие, она находит отражение в художественной литературе, где она представлена со всеми нюансами и спецификой свойственными эволюции науки. Декларируются различные варианты исследования природных явлений.

На протяжении всего периода алхимия хоть и претерпевала глубокие изменения, но не исчезла вовсе из общественного сознания. Это отражено в том, сколько литературных работ если не посвящены, то содержат упоминания о ней. Они стали лакмусовой бумажкой общественного

мнения и в этом отношении роль художественной литературы бесценна. Ее вклад в объяснение причин, по которым алхимия получила такое широкое распространение, несмотря на её многочисленные неудачи, на самом деле, гораздо больше нежели это отображено. И авторы, свидетели своего времени, как никто другой, могли ответить на эти вопросы. Проанализированные произведения, расположенные в хронологическом порядке, также свидетельствуют о том, насколько наука была широко распространена в той или иной стране.

В статье обобщены конкретные факты, собранные из отдельных романов, рассказов, поэм и пьес. Здесь будут подчеркнуты только два вывода более или менее методологического характера. Критика алхимии, представленная в большинстве упомянутых работ, в основном основана на подчеркивании противоречия между тем, что обещали алхимики, и тем, что они фактически выполняли. Этот упрек, хотя и выраженный и сформулированный по-разному, можно найти в современных произведениях как художественного, так и научного характера. Одновременно это наводит на мысль о последовательности. Следует подчеркнуть различие между шарлатанами-золотодобытчиками, для которых промысел являлся основным способом заработка, и собственно алхимиками. Без четкого понимания этого различия невозможно ни адекватно описать, ни понять процесс её принятия средневековым обществом.

Понятно, что источник знаний, такой как художественная литература, имеет свою специфику. Помимо уже упомянутых выше, внимание читателя привлекают и некоторые другие детали, такие как сам стиль письма обсуждающий эту тему, который дает некоторое представление о современном подходе к алхимии. Действительно, существует разница между автором, который пытается серьезно заняться этой проблемой и собирает научные аргументы, хоть и представленные в художественной форме, и автором, который имеет намерение лишь высмеять происходящее. Хотя характер автора, по понятным причинам, играет определенную роль, главным фактором все же является время.

Тот факт, что алхимия была включена почти во все энциклопедии, независимо от периода, является лучшим доказательством того, что она имела вес и значимое место в средневековой науке и в обществе. Поэтому относится к алхимии с презрением, как это происходит время от времени, и судить об этом с точки зрения достигнутых современной наукой результатов было бы несколько антиисторично. Кроме того, до сих пор актуальным остается вопрос: а что есть алхимия? Кто были те герои своего времени, которые, невзирая на многочисленные трудности, относились к своему делу с такой страстью и рвением?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Agricola, G. (1556). De re metallica. Libri XII.

Bachtin, M.M. (1975). Francois Rabelais a lidová kultura středověku a Renesance. [Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Praha.

Bejblík, A. (1989). Život a smrt renesančního kavalíra [The life and death of a renaissance cavalier]. Praha.

Berthelot, M. (1909). Die Chemie im Altertum und Mittelalter [Chemistry in Antiquity and the Middle Ages]. Leipzig.

Brant, S. (1872). Narrenschiff [Ship of Fools]. Berlin.

Brewer, D. (1988). Chaucer a jeho svět [Chaucer and his world]. Praha 1988.

Chaucer, G. (1957). The Canterbury Tales II. London.

Craig, H. (1963) (ed.) Dějiny anglické literatury [History of English literature]. Vol. I. Praha 1963.

Dante, A. (1969). La Divina Commedia di Dante Alighieri (Inferno) [The Divine Comedy by Dante Alighieri (Inferno)]. Roma.

de Lorris, G., de Meun, J. (1914–1924). Roman de la Rose [Roman about Rose]. Paris.

de Sanctis, F. (1959). Dějiny italské literatury [History of Italian literature]. Praha 1959.

Eliade, M. (1962). The Forge and the Crucible. Chicago, London.

Floss, P. (1987). Proměny vědění [Transformations of knowledge]. Praha.

Ganzenmüller, W. (1938). Die Alchemie im Mittelalter [Alchemy in the Middle Ages]. Paderborn.

Garin, E. (1986). Magic and astrology in the Renaissance culture. Problems of the Italian Renaissance. In: Problems of the Italian Renaissance. Moscow.

Gower, J. (1901). Confession Amantis. In: The English Works of John Gower. Vol. I-II. London.

Jonson, B. (1990). Alchemist. In: Elizabethan Drama II. New York.

Jung, C.G. (1968). Psychology and Alchemy. London.

Lexikon deutschsprachiger Schriftsteller [Lexicon of German-speaking writers]. Vol. I-II. Leipzig.

Mikovec, F. (1855). Zlatodějové v Čechách za Rudolfa II [Zlatodejové in Bohemia under Rudolf II]. Lumír.

Montanelli, I. (1981). Dante a jeho doba [Dante and his time]. Praha.

Obrist, B. (1986). Die Alchemie in der mittelalterlichen Gesellschaft [Alchemy in medieval society]. In: Die Alchemie in der europäischen Kultur- und Wissenschaftsgeschichte [Alchemy in the History of European Culture and Science]. Wiesbaden.

Petrarca, F. De remediis utriusque fortunae [Remedies for Fortunes]. Roterdam.

Rabelais, F. (1955). Oeuvres complètes de Rabelais [Complete works by Rabelais]. Bruges.

Rabinovich, V.L. (1979). Alchemy as a phenomenon of medieval culture. Moscow.

Rejchertová, N. (1984). Václav Budovec z Budova [Václav Budovec from Budova]. Praha.

Šimek, O. (1947–1948). Dějiny francouzské literatury [History of French literature]. Vol. I-II. Praha.

Smil Flaška z Pardubic. (1876). Nová rada. Praha.

Stříbrný, Z. (1987). Dějiny anglické literatury [History of English literature]. Vol. I. Praha.

Theatrum chemicum [Chemical Theatre]. (1659). Vol. I–IV. Argentorati.

Tkadleček. Hádka milence s neštěstím. Praha, 1974.

Vágner, P. (1987). Vytváření představ o předmětu chemie od XIII. do konce XVIII. století [Formation of ideas about the subject of chemistry from the XIII century to the end of the XVIII century]. In: Dějiny věd a techniky [History of Science and technology]. 4.

Vlček, J. (1951). Dějiny české literatury [History of Czech literature]. Vol. I. Praha.

ARTISTIC REFLECTION OF ALCHEMY IN THE EUROPEAN LITERATURE OF THE 13TH TO 16TH CENTURIES

Petr Vágner

Dr., Czech historian and diplomat (10.08.1957–23.04.2021)

Abstract. The article highlights the problem of comprehension and evolution of view on alchemy through the European belles-lettres from 13th to 16th century. Alchemy as a byproduct of its time, is a speculative phenomenon, which, on the one hand, brought the foundation of chemistry as we know it and, on the other hand, begets countless speculations and blatant frauds. This discipline had such a colossal influence that, as any phenomenon of materialistic nature, it helped forming art as a whole, and fiction in particular. In this case, the view of various authors, from Chopinel to Chaucer catches the interest due to being transformed and changed through centuries. Pure skepticism was being replaced with controversial judgement and vice versa. Regardless, every author pointed out the contradiction between the words of alchemists and reality, where their promises were never fulfilled. Furthermore, both the article's author and belle-lettre writers highlight the difference between various types of alchemists as a key to comprehension of alchemy itself. Certainly, fiction isn't able to give the full picture, but it allows us to understand how it framed the perception of alchemy, and this is where the article leads to.

Key words: alchemy, Middle ages, Middle ages literature, Chaucer, Rabelais, Johnson.